

УДК 316.4

Кира Степановна Романова
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН
г. Екатеринбург. E-mail: romkira@yandex.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассмотрены проблемы развития человеческого потенциала в условиях современных социальных трансформаций. Автор разводит понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал», дает ретроспективный обзор изменений ситуации на рынке труда в России, анализирует изменение ценностного отношения к человеческому потенциалу на разных этапах развития современного общества, выделяет основные тенденции развития человеческого потенциала. Статья анонсирует исследования конфликта взаимодействия российского общества и личности в инновационных аспектах технологий стабилизации. В статье также рассмотрены проблемные вопросы, связанные с механизмом государственного влияния в реализации стратегии инновационного развития трудового человека ближних и дальних перспектив.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, трансформация, система ценностей, социальный статус, качество жизни.

Трансформация социума породила сложные и глобальные проблемы, перед которыми стоит современное человечество. Свою специфику имеют процессы, происходящие в России. Современное российское общество переживает переходный период – тотальное переустройство всей социальной системы, всех сторон жизни человека. Это обуславливает неизбежность поиска путей преодоления возникших кризисных явлений. Кризис – это естественное состояние развития, характеризующееся тем, что старые механизмы адаптации изжили себя, сложившиеся механизмы функционирования не срабатывают, а новые еще не сформировались в полной мере, не интегрированы. Очевидно, что данные процессы затрагивают и сферу труда, которая сквозным образом имеет отношение ко всем другим сферам социальной жизни, а также к каждому члену общества. Всеобъемлющий характер сферы труда объясняет многосторонний интерес к ней, многоаспектный ее анализ, выход на понимание связанности всех его сторон с проблемой человеческого потенциала. Попробуем обозначить основные тенденции и противоречия в сфере труда и человеческого потенциала, наблюдаемые в нашей стране.

Прошло более двадцати лет с начала новейшей российской «бархатной капиталистической революции». Выросло целое поколение людей в новых исторических условиях. Сегодня существует множество политических дискурсов, а также дискурсов анализа повседневности, подвергающих анализу то, что приобретено и то, что потеряно за это время [4].

Критики капиталистических порядков говорят о том, что потеряно многое. Утрачено единство нации, исчезло ощущение, что страна принадлежит народу. Ослабла вера в возможность подняться наверх по социальной лестнице. Изменились оценки успеха. Произошел упадок или смерть моральных ценностей, нравственности. Главной мерой стали деньги, а не сам человек и его трудовая деятельность. Поколеблена вера в то, что жизнь можно прожить честно. Пропало чувство социального оптимизма, основанного на уверенности в завтрашнем дне. На протяжении последних десятилетий в российском обществе происходят коренные социально-экономические преобразования, связанные в первую очередь с изменением базовых отношений собственности, которые приводят к классовому расслоению, имущественной дифференциации, к падению уровня жизни, поляризации настроений и систем ценностей в различных группах и социальных слоях населения.

Статья 2 « Конституции Российской Федерации» гласит: « Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Следует отметить, что эта зафиксированная в высшем законе страны норма отношения к человеку как на момент принятия Закона, так и до сих пор носит декларативный характер, а не является основой стратегий и политического курса государства в качестве доминирующей ценности. Чтобы эта статья реально и последовательно наполнялась конкретным содержанием и последовательно претворялась в жизнь, необходима направленность на это деятельности государственных и общественных институтов и властных структур. А это, в свою очередь, предполагает разработку системы приоритетов, где гуманитарная составляющая определяла бы решения и действия властных структур.

Как отмечают в частности исследователи Института человека РАН, в отечественной и мировой литературе предложено немало концепций, имеющих целью сформировать такое интегральное представление о человеке, которое, с одной стороны, могло бы стать аналитически проработанным, а значит употребляться достаточно строго, а с другой стороны, было бы операциональным. В этой связи особенно выделяются концепции «человеческих ресурсов», «человеческого капитала» и концепции «уровня жизни» и «качества жизни». Первые две рассматривают человека прежде всего как то, что потребляется, используется в процессах производства или социальной практики. Две другие ориентируют на восприятие человека как существа по преимуществу потребляющего. Интегральным по отношению и к названным, и к другим концепциям, а также более объемным, позволяющим отразить представление именно о самооценности человека, выступает понятие «человеческого потенциала» [2].

Под человеческим потенциалом понимается совокупность физических и духовных сил человека, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей – как инструментальных, связанных с обеспечением необходимых условий жизнедеятельности, так и экзистенциальных, включающих расширение самих потенций человека и возможностей его самореализации. Вместе с тем в современных исследованиях нет терминологического единства. В экономической литературе его часто путают с человеческим капиталом, который связывают с получением потока доходов благодаря эффективности вложений в развитие профессиональных качеств его носителя. При этом сами по себе расходы (на образование и т.д.) не являются гарантией прироста человеческого капитала, поскольку между данными факторами отсутствует устойчивая причинно-следственная связь, хотя и может проследиваться статистическая корреляция. Более того, человеческий капитал является важной (но не единственной) формой проявления человеческого потенциала в системе рыночных отношений. Понятие «потенциал» относится скорее к сфере возможностей. Так, например, деньги, вложенные в образование, могут раскрыть некоторые возможности человека в трудоустройстве, профессиональном росте, карьере, и даже увеличении доходов, но не дают никаких гарантий в этом. «Ценность человеческого потенциала не может выражаться лишь в стоимостных показателях, – пишут В. Буланов и Е. Катайцева, – более того, его в принципе нельзя свести только к количественной оценке, поскольку методов непосредственного измерения *возможностей* не существует» [1, с. 17].

Идеологические, политические, экономические и социальные аспекты происходящих в обществе трансформаций не могут не оказывать воздействие на человеческий потенциал страны, который, с одной стороны, подвергается преобразованиям, а с другой стороны, должен быть сохранен и развит в своей культурной самобытности. Определенные критерии, заложенные в структуру понятия «человеческий потенциал» дают возможность исследователям в рамках Программы развития ООН публиковать «Отчеты по человеческому развитию», где используется для сравнительного анализа количественный индекс развития человеческого потенциала разных стран.

Проблема развития человеческого потенциала является приоритетной государственной стратегической задачей, поскольку уровень развития человеческого потенциала определяет степень развития страны.

Поскольку «человеческий потенциал» – это интегральное понятие, то в разных сферах функционирования и развития общества оно переопределяется как:

- в социально-организационной сфере – человеческий ресурс;
- в экономической сфере – человеческий капитал;
- в социально-экологической – жизненный потенциал (здоровье и жизнеспособность);
- в экзистенциальной, духовно-практической – личностный потенциал.

Выделяя в качестве критериев оценки человеческого потенциала такие характеристики как продолжительность жизни, уровень грамотности и образованности населения, покупательную способность граждан, ООН акцентирует внимание на поиске баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

И.Г. Саксельцев в структуру понятия человеческого потенциала включает два уровня: а) базовый – физическое, психическое, социальное здоровье; б) деятельностный – физиологическую, психологическую, интеллектуальную, социальную и культурную подготовку. Он предлагает также рассматривать человеческий потенциал на уровне индивида как меру реализации его жизненной стратегии (личностный потенциал). При этом существенную роль играют права, способности и возможности, стиль и образ жизни как совокупность условий и механизм накопления и реализации человеческого потенциала на уровне территориальной общности и в более широком социальном контексте [16].

Надо отметить, что экономические законы, открытые К. Марксом и описанные в его фундаментальном труде «Капитал» никуда не исчезли, а лишь по-иному интерпретируются в угоду интересам интерпретаторов. Представив все без исключения формы богатства как продукт труда, производящего товары и стоимость, а все категории политической экономии – как модификации категории стоимости, К. Маркс убедительно показал, что главной, определяющей подсистемой «общества» на всех исторических этапах является общественный труд. «Процесс труда... есть целесообразная деятельность для созидания потребительских стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» [10, с. 195].

В основных общественных функциях труд выступает в многообразии своих проявлений, причем это многообразие носит диалектический характер. Среди многообразия данных функций, с точки зрения социологии, две из них выступают как доминирующие функции труда – труд как средство к жизни и труд как творец и преобразователь человека. Остановимся на этих функциях поподробнее.

Если проанализировать несколько этапов развития России за последнее столетие, то мы можем наблюдать различия в отношении и оценке труда и самими трудящимися, и идеологами. В статье 40 Конституции СССР подчеркивается, что право на труд, то есть на получение гарантированной работы, обеспечивается социалистической системой хозяйства. Трудовая профессиональная деятельность выступала в качестве социально-экономической основы для становления и развития личности в качестве человека, семьянина и гражданина. Для мотивации труда был взят ценностный постулат марксизма о том, что в новом обществе «производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение». На этом

постулате строилась идеология воспитания подрастающих поколений, однако в реальности декларация «права на труд» и превращения труда в наслаждение оставалось идеологическим ходом. Было бы справедливым заметить, что во времена строительства социализма действительно существовала гарантия получения рабочего места, отсутствовала безработица, но по сути труд не становился от этого свободным, уравнильное распределение и принудительное трудоустройство (например система распределения выпускников образовательных учреждений или преследование за «тунеядство»), возможно, создавали субъективное ощущение социальной защищенности, но вряд ли способствовали максимальному раскрытию способностей и личностного потенциала трудящихся.

Право на труд, отдых, бесплатное образование и здравоохранение, социальное обеспечение – все это казалось само собой разумеющимся и естественным. Именно с этим связано восприятие «социалистического периода» некоторыми социальными слоями как периода стабильности, социальной востребованности.

В статье 37 Конституции РФ декларировано: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». Декларативность, содержащаяся в этой статье, сводится к тому, что многие конституции буржуазных стран, в том числе США, вообще не предусматривают право на труд. Идеологи капитализма пытаются доказать, что право на труд вообще не может считаться правом, ибо оно не имеет юридического характера, не порождает конкретных правоприязаний на определенное рабочее место, которые могли бы защищаться судебным иском. А если это так, то относиться к праву на труд как к юридическому явлению нельзя. Государство согласно этим теориям не должно брать на себя никаких обязательств по обеспечению права на труд, не может чего-либо обещать и выдавать гарантии ликвидации безработицы. Между тем рост безработицы прежде всего ведет к росту нищеты. К. Маркс, давая характеристику буржуазного общества, указывал, что «должно быть, есть, что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету...» [8, с. 515].

Таким образом, первостепенное значение для благополучия человека имеет работа. Лишив человека социальных гарантий на труд, узаконив безработицу, общество обрекает не только на нищету, но и на вымирание ту часть себя, которая по понятным причинам не имеет собственности и трудовых источников дохода. С социально-психологической точки зрения, безработица – это нищета не только материальная, но и моральная, ибо она порождает у человека чувство отчаяния, безнадежности, ведет к деградации, семейным трагедиям, самоубийствам, психическим расстройствам [11].

Потеря рабочего места приводит к падению не просто доходов, но и самооценки, ухудшению общего состояния вплоть до депрессии, изменение распорядка дня и выпадение из систем социальных коммуникаций, в

первую очередь профессиональной. При этом немаловажную роль играет уровень безработицы и в стране, и в районе проживания, а также продолжительность пребывания в статусе безработного. К неэкономическим факторам, которые также влияют на самоощущение при потере работы, можно отнести антропологические характеристики (пол, возраст, раса), индивидуальные качества личности (экстраверт или интроверт, оптимист или пессимист), социальный статус (образование, профессия, семейное положение), способ проводить время (занятие спортом, хобби, соблюдение религиозных обрядов др.) [12].

Именно безработицей во многом обусловлен рост преступности, терроризма, наркомании, алкоголизма. Сенатская подкомиссия по вопросам здравоохранения США в свое время признавала, что увеличение безработицы на 1% означает гибель для 40 тыс. человек от сердечных приступов, психических расстройств, самоубийств [17, с. 225].

Следует обратить внимание на то, что оценка социальных трансформаций, в том числе и в сфере труда, во многом зависит от методологического подхода исследователя. Т.И. Заславская считает, что первоначальные попытки анализировать социальные изменения с точки зрения традиционного подхода, который связан с теорией общественно-экономических формаций и теориями модернизации, потерпели фиаско, поскольку идея считать эпоху социализма самостоятельной формацией представляется довольно сомнительной. Так же, по ее мнению, не вполне отражает реальность и более современная формула «перехода от плановой экономики – к рыночной и от авторитаризма (тоталитаризма) – к демократии» [6, с. 14].

Практика показала, что, следуя по западному пути экономического развития, Россия весьма своеобразно вступила в рыночные отношения. Например, по данным сравнительных исследований ООН, она занимает второе место в мире по распространению коррупции, представляющей противоположность рыночных отношений. Многие из изменений, которые происходят сегодня в России, зачастую достаточно глубоких, носят стихийный малоуправляемый или вовсе неуправляемый характер. Более того, зачастую и целенаправленные, рационально обоснованные реформы и изменения управленческого характера наряду с ожидаемым эффектом, а то и вместо него, ведут к неожиданным и нежелательным последствиям. В итоге нередко обнаруживаются двойственные, а иногда просто губительные тенденции как для нынешней социальной стабильности, так и для будущего страны.

Имеются также научные выводы о том, что «опыт, сокративший объем производства за четыре года до 50% к уровню 1990 г. и поддерживающий криминальную ауру государства, статус которого не имеет аналогов в истории, нельзя брать за основу научного анализа» [20, с. 23] Трансформация такого масштаба, которая проходит сейчас в России, – это трансформация не только экономики, но и типа культуры. Любая такая трансформация осуществляется людьми, обладающими определенной ментальностью, со сложившейся системой ценностей, правил и норм по-

ведения, традиций и обычаев хозяйствования, которые не могут быть объектом произвольного конструирования. Абстрактные и порой ложные стереотипы общечеловеческих экономических ценностей (рынок, конкуренция, экономическая свобода, предпринимательство), которые используют российские средства массовой информации для воздействия на массовое сознание, формируют конформизм, разрушают традиции, самобытность, определяющие национальные особенности, национальный дух и культуру. Это в конечном счете приводит не к интеграции с мировым сообществом, а к ассимиляции, лишая человека чести, достоинства, превращая его из гражданина в «электорат», в товар, «рабочую силу», разрушая этим человеческий потенциал. Сегодняшний переходный период идет по нисходящей линии развития цивилизации, отсюда деградация и обречение на статус второстепенного вымирающего народа, страна которого служит сырьевым придатком для Запада.

С.М. Осташевский выделяет ряд острых проблем в области реализации человеческого потенциала в современной России:

- несоответствие между спросом и предложением на рынке труда;
- низкий уровень профессиональной ориентации у выпускников школ;
- снижение престижа рабочих специальностей у молодежи;
- высокий уровень наркомании и преступности вообще и среди молодежи прежде всего;
- низкая продолжительность жизни в России [13].

К сожалению, как отмечают многие исследователи и практики, современные реформы в отечественном образовании и здравоохранении, декларированные государством как национальные проекты, направленные на повышение уровня развития человеческого потенциала, абсолютно не способствуют повышению уровня образования или улучшению здоровья населения. Напротив, качество образования, а следовательно и удовлетворенность этим уровнем как со стороны работодателей, так и самих выпускников, значительно снижается. В настоящее время ратификация Булонского соглашения и активное внедрение инноваций в образование имеет своими последствиями существенное сокращение временного цикла подготовки необходимого специалиста, что не может не отразиться на качестве этой подготовки, сокращение количества государственных вузов, слияние их, а следовательно уничтожение сложившихся в них традиций. С одной стороны, такие преобразования выглядят экономически целесообразными, ибо сокращают государственные инвестиции, но с другой стороны – эффективность этого весьма сомнительна, поскольку на рабочие места приходят недоучки. Вместе с тем современный работодатель заинтересован в том, чтобы получить не просто дипломированного специалиста, но и человека с опытом работы. При этом он совсем не заинтересован в «доучивании» специалиста на рабочем месте, так как это требует дополнительных инвестиций с его стороны. «Нельзя забывать и о том, – пишет С.М. Осташевский, – что сокращение временного цикла обучения повлечет за собой сокращение преподавательского состава в среднем на 15-20%, что никак нельзя считать положительным социальным ре-

зультатом, особенно в условиях экономического кризиса и курса государственной политики, направленного на сохранение рабочих мест. Перестройка системы высшего образования может повлечь за собой сокращение общего количества вузов, что кроме потери рабочих мест вызовет и недополучение налогов в региональные бюджеты» [13, с. 145].

Аналогичная ситуация и с реформированием здравоохранения. Перевод большинства медицинских учреждений на коммерческую основу, с одной стороны, позволяет обеспечить современный уровень диагностики, использование передовых технологий, высококвалифицированный уровень медицинской помощи. С другой стороны, это лишает огромные слои населения возможности данными услугами воспользоваться, так как стоимость медицинских услуг не соотносится со среднестатистическими доходами. При этом страховая медицина не может обеспечить должного уровня медицинского обслуживания ни качественно, ни количественно. В результате значительно снижается продолжительность жизни, а также уровень здоровья и качество жизни не только пенсионеров, но и трудоспособного населения.

В настоящее время наша страна уже стоит перед реальной проблемой кадрового дефицита, особенно по рабочим профессиям. Молодежь не только не заинтересована в освоении многих профессий в связи с их непрестижностью и низким уровнем доходов, но и попросту численности молодежи, вступающей в трудовую жизнь недостаточно, чтобы заменить на рабочих местах пенсионеров. Это обусловлено как демографическим кризисом, связанным в том числе и с социальными трансформациями, так и падением социального статуса многих профессий, причем не только рабочих, но и профессий учителя, врача, инженера. Парадоксальной тенденцией является то, что желая занять определенную социальную нишу и впоследствии иметь высокий уровень доходов и качество жизни, молодежь выбирает для обучения так называемые престижные профессии, пополняя после выпуска ряды безработных.

Сегодня значительная часть граждан, так называемые «бюджетники», добывают средства существования, работает по найму на государственных предприятиях и в учреждениях, как и в советские времена, но живет в другое время, в условиях рынка. К ним относятся учителя, врачи, ученые, и многие другие служащие, которые обеспечивают жизнедеятельность государства в реализации его социальных функций. Исключение составляют представители той группы граждан, которые носят название «государственные служащие», обладающие на основании специального закона определенными правовыми и экономическими привилегиями, а по сути являющиеся чиновниками. Социальная группа «бюджетников» во все времена составляла наиболее образованную основу работающего населения и была не только производителем материальных и духовных ценностей, но и активным творцом и носителем общественного мнения, а теперь их социальная значимость резко изменилась, и в первую очередь это связано с их униженным экономическим положением [14].

Еще в 1848 г. К. Маркс в работе «Нищета философии» писал: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до сих пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки они превратили в своих платных наемных работников» [9, с. 427]. Хотя некоторые из них стали жить лучше, положение большинства представителей этого социального слоя ухудшилось. Ухудшение жизни связано с потерей значимости социального статуса и невозможностью в рамках своей профессии обеспечить достойное существование своей семьи, детей и свой собственный профессиональный и социальный рост. Как отмечает Р. Капелюшников, главный вопрос на рынке труда – это вопрос о соотношении между спросом и предложением высококвалифицированных работников, то есть тех, кто много инвестировал в свой человеческий капитал и обладает его значительными запасами.

С одной стороны, к концу 2000-х гг. почти три четверти российских работников были обладателями третичного образования (вуз или ссуз), в то же время доля малообразованных работников упала ниже 6%. Следствием этого является дефицит неквалифицированной рабочей силы и потребность в мигрантах. С другой стороны, образовательную структуру российской рабочей силы отличает сильная гендерная асимметрия в пользу женщин – явление достаточно новое, не существовавшее в дореформенный период. Переходящий кризис не мог прервать действие долгосрочной тенденции к опережающему росту численности лиц с дипломами вузов и ссузов [7]. Спрос на такую подготовку продолжал устойчиво повышаться несмотря на все катаклизмы, которые пришлось пережить России. Этому способствовал рост коммерческих вузов и ссузов как разновидности предпринимательской деятельности.

Утрата социального статуса и достойного уровня благосостояния неизбежно приводит к деформации самооценки, депрессии и безусловно снижает как мотивацию к творческому труду, так и мотивацию саморазвития, повышения уровня квалификации, личностного роста. Все это неизбежно снижает статус социального самосознания и социальной активности.

Концептуальный недостаток большей части социологической и социально-психологической современной научной литературы заключается в упрощенности или односторонности интерпретации человека как субъекта экономических и трудовых отношений [5, с. 24]. Согласно основным социально-психологическим теориям, поведение человека обусловлено разными условиями его жизнедеятельности. Жизненные задачи и цели человека, организующие его поведение, определяются усвоенными в период социализации ценностными ориентациями и сформированными представлениями о мире и себе в нем.

Представление людей о собственном материальном положении и поиск своей экономической идентичности постоянно влияют на повседневное экономическое поведение в окружающей их среде, а также затрагивают всю систему их отношений с государством, с законами, определяют оценку экономической политики и качества жизни, то есть во многом

определяют жизненную направленность, мировоззрение и сферу ценностей личности [18].

Проблема богатства и бедности, отношения собственности становится одной из наиболее актуальных в современной России. В обществе наблюдается противоречивые процессы, которые свидетельствуют об общем кризисе социальной (национальной, гражданской, политической, экономической и др.) идентичности у разных слоев населения, традиционно занимавших ранее стабильно высокое социально-экономическое положение в обществе. С другой стороны, можно наблюдать становление новых социальных общностей, обладающих иными политическими, гражданскими, экономическими возможностями в рамках формирования новых политических и экономических элит.

Нельзя не согласиться с главным редактором журнала «Философия и общество» И.А. Гобозовым, который пишет, что «современные интерпретаторы свободы и прав человека забыли лозунг Великой французской революции XVIII века: “Свобода, равенство, братство”. Они берут только свободу, предполагающую представление соответствующих прав человеку. Но свобода без социального равенства – пустой звук. О свободе можно говорить лишь в том случае, если индивиды имеют одинаковые стартовые возможности. ... Однако исторический и современный опыт свидетельствует о том, что свободнее чувствуют себя богатые люди, имеющие доступ ко всем ценностям и возможности воздействовать на социально – политические процессы» [3, с. 21].

Понятие «постсоветский капитализм», прежде всего имеет политэкономическое содержание, однако уже в этом содержании проявляются векторы и тренды имеющие социальное значение. Так, анализируя итоги преобразований в постсоветской России, американские исследователи А. Шлейфер и Д. Трейсман пришли к выводу, что «за десятилетие Россия превратилась в типичную капиталистическую демократию со средним уровнем дохода населения» [19, с. 19]. Однако это не совсем так. Сегодняшние экономические трансформации прежде всего разделили общество на группы с очень разным уровнем дохода, и понятия «среднего уровня дохода» и «среднего класса» очень неоднозначны. По данным Центра стратегических исследований (ЦСИ) «Росгосстраха», проводившем исследования уровня доходов населения в 2011 г. к группе со средним уровнем доходов можно отнести 29% населения страны. «Нижним имущественным порогом, позволяющим отнести домохозяйство к среднему классу, сегодня является доход в размере 20 тыс. долларов в год на семью. В крупных городах он выше и составляет 30 тыс. долларов в год на семью. Верхней границей среднего класса служит доход в 300 тыс. долларов в год на семью», – комментирует ЦСИ в программе «Вести» [15].

Нужно понимать, что по уровню жизни и покупательной способности доходы в 20 тыс. долларов в год на семью (а это на сегодняшний день около 50 тысяч рублей в месяц) и в 300 тысяч – это очень разные доходы. Обыденное понимание среднего класса как промежуточного слоя между

богатыми и бедными, принятое на западе, применительно к российской действительности выглядит пародийно. По данным множества исследований различных социологических центров (Центр Левады, Центр независимого института социальной политики и др.), если ориентироваться на принятые на западе критерии принадлежности к среднему классу, то всеми тремя признаками – относительно высоким материальным положением, высоким социально-профессиональным статусом (высшее образование, регулярная занятость, нефизический характер труда) и соответствующей самоидентификацией (сами эти люди относят себя именно к среднему классу) – обладает только около 6,9% населения.

В заключение следует отметить, что особенности состояния и динамики социальной структуры, рынка труда и человеческого потенциала в современном российском обществе определяются переходным состоянием общественных отношений. Реально производимые демократические преобразования, порождают новые социальные механизмы перераспределения ресурсов, капиталов, статусов и форм активности социальных субъектов, которые требуют дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 13-22.
2. Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек, 1996. № 4. С. 5-22.
3. Гобозов И.А. Глобализация и «этическая политика» // Философия и общество 2004. № 3. С. 20-21.
4. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России 90-х: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 2. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. М.: Едиториал УРСС, 2001. 512 с.
5. Дорин А.В. Экономическая социология. Минск: Экоперспектива, 1997. 254 с.
6. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // ОНС: Обществ. науки и современность. 2005. № 4. С. 13-25.
7. Капелюшников Р. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Ч. 1 // Вопр. экономики. 2012. № 2. С. 52-66.
8. Маркс К. Население, преступность и пауперизм // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат., 1959. Т. 13. С. 513-518.
9. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат. Т. 4. С. 65-185.
10. Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 5-784.
11. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социолог. журн. 2001. № 1. С. 5-21.
12. Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. 560 с.
13. Осташевский С.М. Проблемы развития человеческого потенциала как социального компонента инновационной экономики // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 144-146.
14. Романова К.С. Социальные адаптационные процессы в условиях системного кризиса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2009. Вып. 9. С. 158-171.

15. «Росгосстрах» подсчитал средний класс в России. ВЕСТИ: прямой эфир. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/10018> (проверено 24.05.2012 г.).
16. *Саксельцев И.Г.* Человеческий потенциал современного Российского общества: социол. анализ: Автореф. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 18 с.
17. Социалистический образ жизни: Полит.-экон. справочник. М.: Политиздат, 1965. 397 с.
18. *Хащенко В.А.* Социально-психологический подход к анализу экономического самосознания личности // Ежегодник Рос. психолог. об-ва: Материалы III Всерос. съезда психологов, 25-28 июня 2003 г. СПб., 2003. Т. 8. С. 164-168.
19. *Шлейфер А., Трейсман Д.* Обычная страна. М.: Моск. центр Карнеги, 2004. 26 с. (Рабочие материалы Моск. центра Карнеги. № 7).
20. Экономика и этика предпринимательства / Под ред. А.И. Муравьева. СПб.: СПбУЭФ, 1992. 142 с.

Материал поступил в редколлегию 25.05.2012 г.

HUMAN RESOURCES IN CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS: PROBLEMS AND TENDENCIES

Kira S. Romanova, Candidate of Philosophy, associate professor, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: romkira@yandex.ru

Abstract: the paper deals with problems of development of human resources in conditions of contemporary social transformations. The author makes distinction between the notions: “human resources” and “human capital”. She gives retrospective review of changes of labor market in Russia. In addition, she analyses the change of evaluative attitude toward “human resources” on different stages of the development of contemporary society. The article points out main tendencies in the development of human resources. The article announces the research of the conflict between Russian society and individuals in the light of innovative aspects of technologies of stabilization. The article considers some issues connected with the mechanism of state influence on implementation of strategies of innovative development of the man of labor in its near and far perspectives.

Keywords: human resources, human capital, transformation, value system, social status, quality of life.